

Глава I

Лондон, 1845 год

Уже давно весь Лондон с глубочайшим интересом и непрестанно возраставшим нетерпением ожидал прибытия Себастьяна, наследного принца Алусии. Теперь же лондонцы горячо стремятся узреть его высочество хотя бы издали. Ее величество изволила почтить августейшую особу парадным обедом в Виндзорском замке. Чествовать прибывшего были допущены сто шестьдесят гостей, коих разместили за пиршественными столами в зале Святого Георгия, украшенном всеми эмблемами ордена Подвязки. К услугам пирующих имелось две тысячи серебряных ножей, вилок и ложек, тысяча хрустальных бокалов и кубков. Главное блюдо — жареный ягненок с картофелем — подавалось на серебряных тарелках, за ним же последовали самые изысканные фрукты в вазах французского фаянса.

Нашей глубокочтимой королеве Виктории принц Себастьян преподнес дар своего царственного родителя — огромную вазу, целиком высеченную из алусианского малахита. С горлышка означенной вазы свешивались во множестве тончайшие золотые нити.

Алусианские дамы явились на прием в облегающих платьях из плотного шелка, с весьма длинными шлейфами, низ коих для облегчения ходьбы был пристегнут пуговицами к талии. Волосы их были уложены на затылке в сложный узел. Кавалеры свиты его высочества облачены были в парадные фраки из тончайшей черной шерсти, а фалды простирались длиною до середины икр, жилеты

же, сплошь затканые золотыми и серебряными нитями, доходили до бедер.

Газеты сообщали, что принц Себастьян «весьма высок ростом и широк в плечах, лицо же имеет квадратное, с аккуратно подстриженной бородкой. У него очень густая шевелюра чайного цвета, глаза же имеют оттенок мха». Последняя черта может быть истолкована проницательной читательницей как нежно-зеленый цвет. Высказывалось мнение, что принц выглядит истинно по-царски, главным образом благодаря обилию орденов и медалей, соответствующих его высокому происхождению и положению.

*Дамская газета мод и домашнего хозяйства
г-жи Ханикатт*

Достопочтенный судья Уильям Триклбэнк, вдовец, судья Высокого суда королевской скамьи на службе ее величества, почти ослеп, его зрение с годами настолько ухудшилось, что он с трудом различал лишь разнообразные оттенки серого. Он не мог даже собственную руку разглядеть, и поэтому его старшая дочь, мисс Элиза Триклбэнк, читала для него все бумаги вслух.

Вдобавок Элиза прибегла к помощи Поппи, их экономки, которая стала для них не просто служанкой, а скорее членом семьи с тех пор, как лет двадцать назад, потеряв родителей, появилась в их доме. Вместе они протянули вдоль стен, где-то в метре от пола, веревки и ленты по всему лондонскому дому, и судье оставалось только держаться рукой за них, чтобы передвигаться из комнаты в комнату. На пути часто встречались помехи в виде двух собачек, неутомимых в своем желании хоть как-то ему помочь. И кота, который, по-видимому, желал ему скорейшей смерти, поскольку слишком часто оказывался на пути у судьи, или запрыгивал тому на колени, когда судья садился, или запутывал нитки, когда тот занимался своим любимым делом — вязанием, пока дочь читала ему вслух. Иногда кот так же незаметно разматывал клубки пряжи.

В добром здравии судье не давали пребывать его собственные дочери: все еще незамужняя Элиза и ее младшая сестра Холлис, известная как вдова Ханикатт. Они частенько собирались здесь, и судье казалось, что в доме тогда становилось чересчур весело и то и дело слышался пронзительный визг. Его дочери не соглашались с тем, что они визжат, а пеняли ему на то, что он уже преклонных лет и его легко напугать. Но слух у судьи, в отличие от его зрения, был превосходным, а эти две пигалицы действительно визжали и громко смеялись. *Частенько.*

В свои двадцать восемь лет Элиза оставалась не замужем, и факт сей уже давно печалил судью. Случилась у нее неприятная и довольно постыдная размолвка с неким господином Ашером Дотоном-Крессом, который, как считал судья, поступил крайне низко. Но с тех пор прошло уже десять лет. До этого Элиза была рассудительной и послушной юной леди, но, когда ее сердце оказалось разбитым, она отбросила всякую почтительность. За последние несколько лет она ожила и стала беззаботной. Отец надеялся, что подобное поведение привлечет к ней многочисленных поклонников, но, к сожалению, этого не случилось. Со времен печально известного скандала у Элизы был всего один поклонник, старше ее на целых пятнадцать лет. Мистер Норрис настойчиво наносил им ежедневные визиты, но однажды почему-то не явился. Когда судья выказал удивление по поводу его отсутствия, Элиза ответила: «Его сюда влекла не любовь, папочка. Я предпочитаю остаться дома и с большей охотой буду присматривать за тобой, ибо подозреваю, что это потребует от меня меньше сил и времени, чем быть его супругой».

Его младшая дочь, Холлис, как это ни печально, всего через два года после замужества овдовела. Детей в этом браке так и не случилось. И хотя Холлис жила отдельно, она, расточая острооты, по меньшей мере раз, а то и два-три раза в день всенепременно навещала отца. Он бы предпочел, чтобы младшая дочь вновь вышла замуж, но Холлис

настаивала на том, что в этом деле спешить не стоит. Судья видел, что его младшая дочь предпочитает компанию сестры общению с любым мужчиной.

Его дочери были, как говорится, не разлей вода, и к тому же обе любили ввязываться в авантюры, которые судья совершенно не одобрял. Но Уильям Триклбэнк почти ослеп, и дочери были решительно настроены поступать так, как им заблагорассудится, несмотря на все запреты отца. Осознав, что у него ничего не получается, судья оставил попытки взывать к их благоразумию.

Сомнительным занятием, которым увлеклись его дочери, он считал выпуск дамской газеты. Триклбэнк полагал, что дамам вообще газета ни к чему, не говоря уж о газетенке, где обсуждались такие фривольности, как последние новости моды, сплетни и вопросы красоты. Но что бы он ни говорил, его дочери все пропускали мимо ушей. Слишком увлеченные этим предприятием, они уверяли отца, что и весь остальной Лондон давно сбросил оковы условностей.

Саму газету основал супруг Холлис, сэр Персиваль Ханикатт. Только ранее сэр Персиваль издавал газету совершенно иного содержания, в которой освещались последние политические и финансовые новости. По мнению судьи, *это* можно было считать полезным изданием.

Смерть сэра Персиваля произошла из-за трагической случайности: его экипаж соскользнул с дороги в разлившуюся после дождя реку. В результате утонула и отличная пара лошадей серой масти. Для всех случившееся стало огромным потрясением, а судья не на шутку встревожился о том, сможет ли Холлис справиться с такой тяжелой утратой. Но Холлис проявила железный характер и свое горе направила на попытки увековечить доброе имя супруга. Но, будучи еще молодой женщиной и не имея образования, которое пристало иметь мужчинам, она, как того и следовало ожидать, ничего не смыслила в хитросплетениях политики или финансовых вопросах, а потому перевернула издание с ног на голову и посвятила его темам, которые интересовали исклю-

чительно женщин. Поэтому неудивительно, что в газете публиковались лишь рассказы о новинках моды и последние сплетни, обсуждавшиеся в высших слоях лондонского общества. У судьбы создалось впечатление, что дела мирового масштаба женщин вообще заботят мало.

Однако судья не мог отрицать того удивительного факта, что тираж газеты, которую выпускала Холлис, раскупался намного быстрее, чем когда-то газета ее супруга. Дела газеты шли настолько хорошо, что Элизе пришлось помогать сестре, чтобы та могла выпускать свою газету еженедельно. Уильям Триклбэнк постоянно дивился, что представители высшего света отчаянно стремятся к тому, чтобы их имена упомянули на страницах газеты.

Сегодня его дочери пребывали в необычайном волнении, поскольку им удалось заполучить желанное приглашение на бал-маскарад, который устраивал герцог Мальборо в честь коронованного принца Алусии. Могло сложиться впечатление, что земля перестала вращаться вокруг своей оси, и небеса разверзлись, и моря отступили от берега, потому что самый важный из всех наследных принцев явил себя Лондону, осчастливив англичан своим присутствием.

Бред сивой кобылы.

Всем было известно, что принц прибыл сюда для того, чтобы заключить с английским правительством от имени короля Карла важную торговую сделку. Алусия — маленькое, но при этом впечатляюще богатое европейское государство, которое приобрело широкую известность благодаря непрекращающимся распрям с соседним государством — Веслорией. Эти два государства вели между собой постоянную войну, такую же обременительную и исполненную взаимных претензий, как война между Англией и Францией.

Из газет судья узнал, что наследный принц, будучи в Алусии поборником всяческого прогресса, стал инициатором предложенного торгового соглашения. Принц Себастьян видел залог дальнейшего процветания Алусии в том, что в обмен на хлопок и железную руду она будет получать

промышленные товары. Но дочери уверяли судью, что не это являлось главным предметом торговых переговоров. Самое *главное* заключалось в том, что принц прибыл для заключения брачного союза.

— Об этом только и разговоров, — настаивала Холлис за ужином у отца.

— Милая моя, откуда же *всем* известно о намерениях принца? — поинтересовался судья, поглаживая сидящего у него на коленях кота Приса. Изначально, когда семья решила, что это кошечка, ее назвали Принцессой. Но когда их управдом Бен обнаружил, что Принцесса в действительности самец, кот, Элиза сказала, что уже поздно менять имя. Поэтому имя сократили до Прис. — Он что, оповестил всех письмом? Поместил объявление в «Таймс»?

— Так уверяет *Каро*, — возразила Холлис, как будто и дураку должно было быть понятно, откуда она черпает информацию. — А она знает все и обо всех, папочка.

— Ах, вот как! Ну, если так утверждает Каро, то, вне всякого сомнения, это истинная правда.

— Ты должен признать, что она редко ошибается, — парировала Холлис, сдерживая раздражение.

Каро, или леди Каролина Хок, закадычная подруга его дочерей, так часто бывала в доме Триклбэнков, что судье казалось, что у него не две, а три дочери.

Каролина была единственной сестрой лорда Беккетта Хока, который являлся к тому же и ее опекуном. Когда-то в Лондоне вспыхнула эпидемия холеры, и матушку Каро, как и матушку его дочерей, унесла болезнь. Амелия, его супруга, и леди Хок были добрыми приятельницами. Когда Амелия заболела, они отослали детей в летнее имение Хокков. Леди Хок осталась, чтобы ухаживать за своей подругой, и в итоге обеих женщин сразила болезнь.

Лорд Хок был предприимчивым молодым лордом и политиком, известным своими прогрессивными идеями в палате лордов. По словам Холлис, он был довольно красив, известен и его всюду охотно принимали. Это можно было

сказать и о его сестре. Каролина тоже была хорошенькой, поэтому, как подозревал судья, ее благосклонно встречали многочисленные друзья брата.

Но Каролина, казалось, действительно знала всех и вся в Лондоне и постоянно навещала Триклбэнков, чтобы поделиться сплетнями, которые она собрала в Мэйфэр¹. Девицей она была усердной — будучи приглашенной в один салон, Каролина успевала заглянуть в три. Судья предполагал, что брату ее едва ли стоило беспокоиться о том, чтобы наполнять провиантом буфеты, поскольку эти двое почти каждый день обедали в каком-нибудь доме в компании еще двадцати трех гостей, а ужинали в другом, в компании еще пятнадцати. Оставалось только диву даваться, что Каролина не превратилась в аппетитную пышечку.

А, быть может, она такую и была. Правду сказать, для судьи она сейчас была просто очередной тенью.

— А еще Каро была в Виндзорском дворце и обедала с королевой, — с чувством собственного превосходства добавила Холлис.

— Ты хочешь сказать, что Каро находилась в одном зале с ее величеством, но между ней и королевой сидело еще сто гостей, — предположил судья. Он отлично знал, как проходят эти изысканные приемы.

— Какая разница! Она там была, папочка, и встретила гостей из Алусии, так что теперь много чего о них знает. Я собираюсь выяснить, кому принц намерен предложить руку и сердце, и первой сообщить об этом в своей газете. Ты только представь! Обо мне заговорит весь Лондон!

Именно это больше всего и не нравилось судье Триклбэнку в истории с газетой. Он не хотел, чтобы о его дочери судачил весь Лондон.

Но сегодня был не совсем подходящий день для нотаций, поскольку его дочери без усталости носились по всему дому и были страшно заняты. К подобной суете судья не привык.

¹ Престижный район, который расположен на границе с Гайд-парком.

Сегодня должен был состояться королевский бал-маскарад, поэтому повсюду слышался шорох нижних юбок и шелка, а ноздри щекотал запах духов, когда дочери проходили мимо. Они с нетерпением ожидали, когда за ними прибудет четырехместный экипаж лорда Хока. Судье дали понять, что маски с посыльным уже прибыли в Хок-хаус, а Элиза с придыханием добавила: «От самой миссис Кьюбисон».

Судья не знал, кто такая миссис Кьюбисон.

И, честно говоря, он понятия не имел, каким образом Каро удалось заполучить приглашения на бал в Кенсингтонский дворец для двух *его* дочерей, — видит бог, у Триклбэнков не было необходимых связей, чтобы провернуть подобный трюк.

Девичье нетерпение чувствовалось в тех нервных смешках, которыми сопровождалась все их разговоры. Даже Поппи казалась нервной. Судья предполагал, что впоследствии с предстоящим балом будут сравнивать все балы в истории. Но он был благодарен Всевышнему, что из-за своей слепоты не может посещать балы.

Когда в дверь постучали, судья вздрогнул от визга и кутерьмы вокруг, догадавшись, что прибыл экипаж и его дочерям пришло время отправляться на бал.

Глава 2

В минувший четверг, в седьмом часу пополудни, в честь наследного принца Алусии в Кенсингтонском дворце был устроен маскарад. Организовал его герцог Мальборо, от имени самой монархини. Все алусианцы были в черных масках, совершенно не отличимых одна от другой, вследствие чего нелегко было выделить среди них самого наследного принца. Эта остроумная затея вполне, быть может, увенчалась бы успехом, если бы не длинный ряд юных англичанок, заветным желанием которых было оказаться представленными его высочеству.

Некая английская Кошечка (журфиксы¹ по средам у которой вызывают всеобщее восхищение) так увлеклась чашами пунша, что некий благородный Лис постоянно пребывал поблизости от нее, дабы не пропустить, когда даме понадобится какая-либо услуга. Действуя таким способом, он получил незаслуженное преимущество перед нею, как только оба оказались в королевской гардеробной. Едва Кошечка полностью осознала, какую цель преследует Лис, она потребовала сатисфакции и в награду была удостоена услуг сразу трех ливрейных лакеев, каковые проводили ее к ожидавшему экипажу. Пышный наряд Кошечки, к тому же щедро одаренной плотью, потребовал от лакеев при выполнении возложенного на них поручения таких замысловатых маневров, что с головы одного неудачника был сбит положенный ему парик.

*Дамская газета мод и домашнего хозяйства
2-жи Ханикатт*

¹ Прием гостей в определенный, заранее установленный день недели.

Когда ведешь такой незатейливый образ жизни, как Элиза Триклбэнк, никак не ожидаешь получить приглашение на бал, не говоря уж о том, чтобы повстречать принца. И все же ей каким-то образом удалось оказаться в длинной чередке тех, кто жаждал быть представленной принцу без всякой протекции, только благодаря глотку пунша с ромом.

Элиза даже не могла сказать, с каким именно принцем она намерена познакомиться и сколько вообще принцев присутствует на балу. Она слышала, что в настоящее время в Англии пребывает, по крайней мере, два принца, но, насколько понимала дочь судьбы, вокруг них могла толпиться куча народу.

С трудом верилось, что этот вечер и это мгновение имеют место быть в ее жизни. Да и сама мысль о том, что Элиза, возможно, будет представлена настоящему принцу, казалась неосуществимой, — а все началось всего несколько дней назад, когда Каролина заглянула на Бедфорд-сквер, где жили Элиза и ее отец.

Каролина принесла вести о бале, проведая о нем от уважаемой миссис Кьюбисон, модистки, которая и доставила с посыльным маски для них троих.

— Миссис Кьюбисон проговорила, что еще месяц назад ее наняли, чтобы сделать маски для гостей из Алусии. И она с помощницами работала *день и ночь*, чтобы выполнить их пожелания. — Расположившись у Элизы на кровати, Каролина говорила захлеб, не скрывая восхищения.

Холлис ахнула и потянулась за бумагой.

— Ни слова более, пока я не возьму карандаш...

— Вы не поверите тому, что я сейчас расскажу, — заверила их Каролина.

— Я верю каждому твоему слову.

— Полагаю, что довольно скоро правда выйдет наружу...

— Каро, ради всего святого, если ты не скажешь нам, о чем идет речь, мне самой придется вытрясти из тебя эту правду, — предупредила Холлис.